

и др.), но впервые оно осуществлено в столь полном объеме. Правда, на мой взгляд, во второй части Н. А. Кожевникова несколько отходит от присущего ей принципа системного рассмотрения материала: следуя от текста к тексту, она рассматривает лирику первого тома, затем второго и третьего (каждому посвящена отдельная глава). Но в результате стремления охватить буквально каждое словопотребление поэта иногда возникает нечто вроде обстоятельного лексического комментария к стихам поэта, самого по себе весьма полезного, но несколько затемняющего системный характер языкового мышления Блока. Кроме того, создается впечатление, что обилие посвященных поэтике Блока исследований (а они большей частью затрагивают лексику) несколько сковывает автора: Н. А. Кожевникова почему-то отказывается от лингвистического инструментария и следует в целом в русле литературоведческой традиции.

Впрочем, вспомнив, что исследование Н. А. Кожевниковой — это «не одно из...» в ряду подобных, а по сути открывает этот ряд. Отсюда — вполне понятная осмотренность автора, подчас нарочитая описательность работы. Ведь выход лингвистической поэтики в сферу истории языка, будучи убедительным свидетельством возросшего исследовательского потенциала этой общелингвисти-

ческой дисциплины, вместе с тем сразу же приводит к осознанию определенной недостаточности ее концептуального аппарата. В частности, некоторый «лексикоцентризм» автора (когда все, что выше уровня слова, относится к уровню текста) дает остро почувствовать, что в теоретической поэтике само ключевое понятие поэтического языка как многоуровневой системы остается весьма неопределенным: по крайней мере, не столь определенным, чтобы быть теоретически безболезненно использованным в ориентированном на историю конкретном исследовании. Так что монография Н. А. Кожевниковой, выполнив свою основную задачу — представив определенный синхронный срез истории русского поэтического языка — является еще и стимулом для разработки теоретического аппарата подобных штудий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гофман В. Язык символистов // Литературное наследство. Т. 37—38. М., 1937.
2. Мандельштам О. О поэзии. Л., 1928. С. 48.
3. Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 119.

Зоян С. Т.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 196 с.

Сложное предложение (далее СП) — традиционный объект синтаксиса, в советском языкознании к нему проявляется устойчивый интерес. При этом характер изысканий в этой области в разное время был разным.

В 50—60-х годах на основе обобщения многих частных исследований (главным образом на материале русского кодифицированного литературного языка) в основном сложилось то понимание существа СП и принципов его анализа, которое представлено в большинстве современных описаний СП (в работах В. В. Виноградова, Н. С. Поспелова, Е. В. Гулыги, С. Г. Ильенко, С. Е. Крючкова, Л. Ю. Максимова, В. А. Белошапковой и др.). Позднее преимущественное внимание было перенесено с обсуждения общетеоретических вопросов на расширение той эмпирической базы, на которую опирались установившиеся к 70-м годам положения теории СП. В 70—80-х годах СП изучалось достаточно активно

на материале разных языков и разных речевых сфер русского языка, но пафос большинства из них состоял в фиксации отдельных не замеченных ранее факторов в организации отдельных классов СП и вытекающих из этого поправках к установившейся классификации СП.

Теория СП в этот период развивалась мало. Даже теоретически наиболее интересные исследования, отличавшиеся новизной тематики, не были направлены на обсуждение основ установившейся теории СП, а лишь вносили некоторые (правда, весьма существенные) дополнения к ней. Из числа работ, написанных на материале русского языка, к ним в первую очередь надо отнести те, которые направлены на изучение сторон СП, ранее не выделявшихся как особые объекты анализа, в частности работы о коммуникативной [1—3] и смысловой [4—5] организации СП, а также о системе СП в разговорной речи [6].

Поэтому появление «Очерков...»

М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой — книги, обращенной именно к современной теории СП и критически анализирующей ее, — должно быть расценено как заметное и значительное событие. Возможно, эта книга открывает новый виток в развитии отечественной синтаксической науки, который будет характеризоваться углубленным анализом теоретических основ учения о СП и разработкой новой системы понятий и терминов.

Критическая позиция авторов рецензируемой книги по отношению к современной теории СП в значительной степени объясняется тем, что они привлекают к анализу не только факты русского языка, но и факты языков другого, агглютинативного строя: тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, которые составляют так называемую алтайскую типологическую общность. Рассмотрение всего обширного корпуса разнообразных фактов, представленных в этих языках, сопоставление их друг с другом и с фактами русского языка (которые при этом стали видны иначе, чем их видели предшественники-русисты) позволило выявить нечеткость, неопределенность многих понятий и терминов синтаксиса СП, недостаточную согласованность, а порой и противоречие между отдельными принципиальными положениями.

К тому же при этом выяснилось, что созданная на материале русского СП система понятий и терминов, используемая в современном отечественном языкознании, не работает или работает плохо применительно к алтайским языкам. Авторы считают, что современная лингвистика должна ставить задачей построение единой теории, приложимой ко всем языкам, к человеческому языку вообще. «Имеют ли право самостоятельно существовать „теории“ и классификации русского, немецкого, английского, якутского, японского, арабского сложного предложения — столько „теорий“, сколько есть на Земле языков, а ведь их несколько тысяч... Пора начинать строить единую теорию, единую классификацию, ориентированную на все языки» (с. 182).

Композиция книги своеобразна: она состоит из трех разделов, каждый из которых объединяет несколько «очерков» (всего их девять, пять из них имеют внутреннее деление); «очерки» нумеруются сами по себе, не как части разделов — очевидно, это имеет целью подчеркнуть их относительную самостоятельность; напротив, с целью объединения содержания каждого раздела входящим в него «очеркам» предпосылается Введение. Открывающее книгу предисловие («От авторов», с. 3—4) и закрывающее ее Заключение (с. 181—183), перекликаясь между собой,

говорят о том, как понимают свою задачу авторы: в книге «...обсуждаются некоторые итоги... раздумий над теоретическими проблемами синтаксиса» (с. 3); «она посвящена критическому анализу некоторых... понятий современного синтаксиса сложного предложения» (с. 183).

Круг обсуждаемых теоретических проблем и понятий синтаксиса обширен, и, естественно, не все они рассматриваются одинаково основательно.

В первом разделе («Представления об означающем и означаемом в синтаксисе» — с. 5—58) обсуждаются наиболее общие, основополагающие понятия современной синтаксической науки.

Чтобы установить систему таких понятий, авторы выбирают необычный путь: они последовательно учитывают и классифицируют синтаксические термины, представленные в академических грамматиках русского языка и в вузовских учебниках по современному русскому языку. Это дает суммарное представление о метаязыке синтаксической науки, а через него о той системе понятий, которую выражает этот метаязык и с опорой на которую ведутся синтаксические исследования.

Все понятия, выражаемые синтаксическими терминами, авторы распределяют между четырьмя типологическими классами: 1) понятия о синтаксических субстанциях, т. е. всех тех синтаксических сущностях, «...которые в речи бывают представлены большими или меньшими „отрезками звучания“, а в тексте — графическими отрезками» (с. 7); 2) семантические понятия, т. е. понятия об означаемых синтаксических субстанциях; 3) понятия о синтаксических связях; 4) понятия о синтаксических отношениях, т. е. о внутренней, содержательной стороне синтаксических связей. Эти классы поочередно подвергаются критическому анализу; основное внимание при этом уделяется тем из них, которые существенны для достаточно обширного круга объектов, находящихся в центре внимания авторов, — полипредикативных и полипропозитивных конструкций разного рода.

Самым значительным достижением критической мысли авторов является положение о том, что у многих синтаксических терминов полнотное содержание «...остается нераскрытым или раскрывается слабо...» (с. 9), и возможность их функционирования основывается на том, что ясна их денотативная отнесенность (там же), «...связь с определенными множествами фактов...» (с. 10). Это очень точное наблюдение; оно фиксирует одну из характерных черт традиционного синтаксиса с его незабоченностью «буквой определения» и современной синтакси-

ческой науки, в которой «новое» (в частности и стремление к точным дефинициям всех понятий, используемых в синтаксическом описании, и к четкой их соотношенности) тесно переплетено со «старым», а потому «и сейчас многие понятия представлены в большей мере опираются на „раскрывающий“ их иллюстративный материал, нежели на вербальные определения через „общие и существенные признаки“» (с. 10).

Несомненную ценность имеют соображения о том, какие лакуны обнаружил проведенный авторами анализ понятий о синтаксических субстанциях, и их конструктивные предложения по усовершенствованию этой части понятийно-терминологического аппарата синтаксиса (с. 22—24).

Интересны попытки систематизации и расширения круга терминов, связанных с содержательной стороной предложения — пропозициональными смыслами (с. 24—42); рассуждения об отношениях *сочинения и подчинения* (с. 45—48), о предикативной связи в се противопоставлении непредикативным связям (с. 48—58); о типах синтаксических отношений в полипредикативных и полипропозитивных предложениях (с. 58—76).

Вместе с тем именно первый раздел вызывает наибольшее количество недоумений, несогласий и возражений.

В известной степени (может быть, даже в большей степени) это объясняется тем, что обсуждение фундаментальных понятий синтаксиса развернуто здесь недостаточно. Если бы авторы более основательно и аргументированно изложили свои критические соображения и особенно свои конструктивные предложения, многие недоумения и возражения, может быть, и не возникли бы. По тематической и проблемной насыщенности содержание этого раздела находится в противоречии с его объемом; оно так значительно, что его хватило бы на целую книгу. Здесь же это лишь часть книги, и притом вводная часть (хотя и важная, необходимая), а потому она, в соответствии с общим замыслом, не может быть такого объема, какого заслуживает ее содержание.

Наиболее существенные критические замечания к этому разделу следующие.

1. В системе понятий и терминов, на которые опираются в своих рассуждениях авторы, едва ли не центральными являются понятия предикативности и полипредикативности. Между тем ни их содержание, ни даже границы языковых фактов, которые за ними стоят, в книге не эксплицированы. В частности, остается неясным, как соотносится полипредикативность со «вторичной», «дополнительной» предикативностью, полупредикативностью. Это мешает вполне осмыслить

одно из главных конструктивных положений книги — о границах полипредикативных конструкций и СП.

2. Справедливо полагая, что понятийно-терминологический аппарат анализа семантики предложения разработан недостаточно, авторы пытаются его расширить, введя несколько понятий, которые группируются вокруг центрального понятия предлагаемой микросистемы терминов — понятия пропозиции: «событие», «редуцированное событие», «номинализованное событие», «явление» (с. 28—34). Авторская трактовка существа языковых фактов, к которым прилагаются термины, остается не вполне ясной. Очевидно, что их природа не чисто семантическая; это не виды пропозиций, а виды соотношения пропозиции с тем или иным формальным построением: элементарным предложением, редукцией элементарного предложения, номинализацией его (предикативной или непредикативной). Некоторые места позволяют сделать заключение, что авторы понимают двойственную формально-семантическую природу вводимых ими понятийно-терминологических новшеств. Так, определяя содержание термина «явление», они пишут: «Пропозиции, представленные непредикативными номинализациями и в составе простого предложения (разрядка наша. — *Б. В.*), мы будем называть явлениями (например, твоя радость, наше путешествие)» (с. 34). Вместе с тем сам тот факт, что эти термины вводятся в очерке «Понятия о семантике синтаксических единиц», и некоторые места книги наводят на мысль о том, что соответствующие понятия толкуются как чисто «семантические объекты».

3. Хотелось бы пожелать большей основательности и систематичности в классификации семантических отношений. Данная в книге классификация логически организована нестрого: не выдвинуто четких критериев выделения классов внутри обстоятельных, определенных и модусно-диктуемых отношений. Вполне достигнута только цель показать неоднородность семантических отношений внутри традиционно выделяемых типов и самих этих типов.

Второй и третий разделы целиком посвящены проблемам теории СП; они рассматриваются более основательно, чем общие понятия синтаксиса в первом разделе.

Второй раздел «О границах и принципах типологии сложного предложения», несмотря на небольшой объем (с. 77—107), представляется мне центральным в книге: именно здесь раскрываются положения, выдвижение и аргументация которых составляют высшее достижение

творческой мысли авторов, главное из того, что они хотят сказать настоящим и будущим коллегам по занятиям синтаксисом СП.

Опираясь на широкое (и, как уже говорилось, несколько размытое) понимание полипредикативности, авторы очерчивают круг конструкций, которые они считают полипредикативными, и убедительно показывают их неоднородность. Среди полипредикативных конструкций выделяются прежде всего СП; их отличительным признаком является «...наличие в каждой части формально полноценного предикативного узла с позициями обоих главных членов» (с. 95). От СП предлагается отличать три круга явлений: 1) «моносубъективные» полипредикативные конструкции, отличительный признак которых в том, что сказуемые частей имеют одно общее подлежащее (*Я шел и споткнулся / Я шел, пока не споткнулся*); 2) «инфинитивные» полипредикативные конструкции, т. е. предложения с причастными, деепричастными и инфинитивными оборотами; 3) предложения со вставными и вводными предикативными единицами.

При этом, характеризуя соотношение разных типов полипредикативных конструкций, авторы сознательно отказываются от идеи «переходности» и «совмещения признаков простого и сложного предложения». О положении «несложных» полипредикативных предложений в системе языка авторы пишут: «Конструкции, о которых идет речь, как раз не обладают признаками ни сложного, ни простого предложения, будучи, однако, несомненными предложениями» (с. 81). Такая позиция реалистична и прогрессивна, так как расширяет перспективу научных задач в области синтаксиса СП, выделяя новые объекты для исследования (в частности, моносубъектные полипредикативные конструкции).

В этом же разделе обсуждается вопрос о принципах классификации СП. Выделяются и критически оцениваются три традиционно используемых в классификации СП критерия: 1) союзность/бессоюзность; 2) сочинение/подчинение частей; 3) отнесенность придаточной части ко всей главной или к одному из ее членов.

Наиболее интересно рассуждение о соотношении союзности и бессоюзности, в котором выявляются осязаемые традицией нелогичности в понимании границ бессоюзия (с. 97—100). Устанавливаемые авторами границы бессоюзия гораздо более обоснованны, чем традиционные: в этих границах бессоюзие представляется как досаточно однородное явление.

Привлекает внимание возвращение ав-

торов к незаслуженно забытому понятию «взаимного подчинения» и попытка, по своему его истолковав, найти ему место в системе понятий, используемых в классификации СП (с. 101—102).

Вызывает сочувствие утверждение о внутренней неоднородности подчинения (с. 104—107); авторы высказывают некоторые новые соображения относительно различий между нерасчлененными и расчлененными сложноподчиненными предложениями, показывают недостаточную теоретическую осмысленность некоторых известных фактов (расчленение составных союзов, разные виды употребления соотносительных слов и др.).

Главная задача самого обширного третьего раздела («О средствах связи частей сложного предложения» — с. 108—177) — «...постановка вопроса о природе показателей связи частей сложного предложения как особой... научной проблемы...» (с. 108).

Авторы различают два вида средств связи частей СП: «синтетические показатели связи» (это понятие раскрывается на материале привлеченных к анализу языков агглютинативного строя) и «аналитические показатели связи», или «скрепы» (это понятие раскрывается на материале русского языка).

Содержание этого раздела интересно и ценно в двух планах: и рассуждениями о природе средств связи, критериях их выделения и классификации, и самим своим материалом, в частности перечнями структурных классов скреп современного русского языка.

Можно с уверенностью утверждать, что в рецензируемой книге приводится самый обширный список «скреп» современного русского языка. Авторы вдумчиво и бережно использовали достижения своих предшественников, в частности богатейший материал «Русской грамматики», и существенно дополнили наши знания о «скрепах» русского СП.

Вместе с тем авторы самокритично оценивают свой список как заведомо неполный. Продиктованная глубоким знанием материи русского сложного предложения и высокими требованиями к синтаксическому описанию такая оценка справедлива. Список можно и нужно дополнять. Укажем на один просчет: не учтено существование специфической односторонней скрепы, для современного языкового сознания неместоименной, — так называемой заключительной частицы так: *Жила тут неподалеку старушка,¹ так она сказок знала без числа* (об условиях употребления заключительных частиц и их функциях см. [7]).

Заслуживает пристального внимания классификация русских «скреп», в которой последовательно проведен прин-

цип учета их структурных свойств. Эта классификация «подсказывает» и новые подходы к классификации СП на формальных основаниях. Но особенно ценно то, что характеристика выделяемых «скреп» сопровождается указаниями на теоретические вопросы, осмысление которых составляет необходимое условие описания того или иного класса «скреп», и перечнями тем эмпирических разысканий (см., например, с 91, 108, 135—137, 146). Здесь наиболее полно и ярко проявляется позиция авторов, характеризующая книгу в целом: авторы видят в читателях потенциальных продолжателей своих исследовательских усилий и спешат поделиться с ними всем, что им удалось наблюдать, в том числе и тем, что пока осмыслено только как задача, вопрос, на который еще нет ответа. Симптоматичны рассыпанные на страницах книги прямые обращения к «молодым лингвистам», студентам и аспирантам.

Жаль, что книга, адресованная такому широкому читателю, издана малым тиражом (1900 экз.). В интересах науки (и, может быть, прежде всего вузовской) было бы переиздание книги существенно большим тиражом.

При переиздании целесообразно устранить неорганично включенные в текст сведения из истории русского СП и необязательные констатации мнений разных лингвистов по тем или иным вопросам, не обсуждаемых в книге, таких, которые не опровергаются и не поддерживаются

авторами, а лишь приводятся как иллюстрация авторской объективности и осведомленности. В такой живо и энергично написанной книге они совершенно неуместны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Распопов И. П.* Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973. С. 162—187.
2. *Шешукова Л. В.* О порядке частей сложноподчиненных предложений. Одноточленные конструкции (На материале современного русского литературного языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
3. *Елфимова Т. В.* О порядке частей причинных и условных сложноподчиненных предложений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
4. *Колосова Т. А.* Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980.
5. *Крамских С. В.* Смысловая организация местоименно-соотносительных (отожествительных) предложений в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
6. *Ширяев Е. Н.* Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.
7. *Чернышева А. Ю.* Союзные частицы *то, так и тогда* в сложном предложении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1986.

Белюшанкова В. А.

Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука, 1986. 223 с.

Успехи синтаксической науки последних десятилетий, общее развитие лингвистической теории позволяют по-новому взглянуть на объекты, которые, казалось бы, получили в языкознании уже достаточно полное освещение. К таким объектам относятся и бессоюзное сложное предложение. Теоретическое осмысление трудов предшественников и многолетний опыт исследователя-синтаксиста позволили Е. Н. Ширяеву решить проблему бессоюзного сложного предложения в новом ракурсе. Новизна состоит не только в интересной и непротиворечивой концепции бессоюзного сложного предложения, но и в том, что объектом исследования стал материал живой разговорной речи.

Книга состоит из Введения, пяти глав и Заключения. Важным для понимания

авторской концепции бессоюзного сложного предложения является Введение (с. 3—29), где излагаются исходные теоретические посылки исследования. Обосновав свое понимание сложного предложения как такой синтаксической единицы, в основе которой «...лежит синтаксическая форма связи предикативных конструкций, соединенная с коммуникативно-синтаксической формой, дающей отдельное высказывание — предложение» (с. 14), автор строит свою оригинальную концепцию бессоюзного сложного предложения. Она базируется на ряде кардинальных положений: определении синтаксической формы бессоюзного сложного предложения, определении места синтаксической формы бессоюзного предложения в системе других синтаксических форм, определении того, на каком